БЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРІИ ОСВОБОДИТЕЛЬНАГО ДВИЖЕНІЯ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

№ 4 АПРѢЛЬ 1906

ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Сергѣй Петровичъ Дегаевъ. Изъ воспоминаній **Анны Прибылевой-Корбы** 1
2. Дегаевщина *(Матеріалы и документы)* 18
3. Къ біографіи Адама Мицкевича 1829. *(По неизданнымъ матеріаламъ)* 39
4. Поручикъ Ѳедоръ Кречетовъ. Шлиссельбургскій узникъ XVIII столѣтія. **М. Королькова** 43
5. Какъ и за что я попалъ въ Шлиссельбургъ. **М. В. Новорусскаго** 65
6. Стрѣльниковскій процессъ 1883 года въ Одессѣ. *(Отрывки изъ воспоминаній государственнаго преступника)*. **П. Надина**. 84
7. Страница изъ давно написанныхъ воспоминаній (Н. А. Желваковъ) **Л.** 103
8. Семенъ Олейничукъ. **П. Е. Щеголева** 107
9. Дѣло Н. Г. Чернышевскаго. *(По неизданнымъ источникамъ)*. Продолженіе. **М. К. Лемке** 125
10. Изъ бумагъ декабриста И. Д. Якушкина. (*Сообщилъ В. Е. Якушкинъ*). 188
11. Польская с.-р. партія «Пролетаріатъ» 1882—1886. *(Общій обзоръ дѣятельности)*. **Л. Василевскаго** (**Плохоцкаго**). 194
12. Изъ воспоминаній объ А. И. Желябовѣ. **П. П. Семенюты**. 216
13. Изъ воспоминаній о 1881 годѣ. **Сергѣя Иванова** . . . 228
14. Къ характеристикѣ П. Я. Чаадаева. **М. О. Гершензона**. 243
15. Пестель предъ Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ. Продолженіе. **Н. П. Сильванскаго** 254

стр.

16. Каракозовскій процессъ *(Нѣкоторыя свѣдѣнія и воспоминанія)*. **Д. В. Стасова** 276
17. 4-е апрѣля 1866 года *(Изъ моихъ воспоминаній)*. **П. И. Вейнберга** 299
18. Изъ полицейскихъ разслѣдованій 1882 года касательно «противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ» 304
19. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. Литографированная записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго — 61. Голуби, стих. Н. А. Саблина — 64. Письмо М. Ф. Пантелѣева къ мин. вн. дѣлъ Сипягину—214. Къ исторіи отправленія декабристовъ въ Сибирь . 226
20. Книги и матеріалы, поступившіе въ редакцію 317
21. Современная лѣтопись 319
22. Объявленія 343

Въ этой книгѣ помѣщены: портреты А. П. Прибылевой-Корба, Людвига Варынскаго, Н. А. Желвакова, Д. В. Каракозова; виды Шлиссельбургской крѣпости и факсимиле объявленія о розыскѣ С. П. Дегаева.

Сергѣй Петровичъ Дегаевъ.

(Изъ воспоминаній).

Лично я знала Сергѣя Дегаева въ теченіе 2½ лѣтъ: съ 80 до половины 82 года. Знакомство это было чисто дѣловое, къ которому не примѣшивалась ни дружба, ни просто симпатія. Проблескъ болѣе живого интереса къ его личности я почувствовала только въ тотъ моментъ, когда узнала о выходѣ его изъ дома предварительнаго заключенія въ мартѣ 81 года. Но освобожденіе человѣка изъ тюрьмы всегда является желаннымъ событіемъ, и не надо быть очень привлекательной личностью, чтобы вызвать радость въ своихъ знакомыхъ однимъ фактомъ появленія среди нихъ послѣ заключенія, какова бы ни была его продолжительность.

Дегаевъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые не отличаются привлекательностью. Я не знаю ни одного изъ нашихъ революціонеровъ, кто бы относился когда-либо къ нему съ любовью или питалъ къ нему чувство дружеской привязанности. Но объ отношеніяхъ революціонеровъ къ Дегаеву я скажу позднѣе; теперь же замѣчу, что все сообщенное мною о немъ изъ періода времени, послѣдовавшаго за моимъ арестомъ, я слышала отъ лицъ, истинность словъ которыхъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Дегаевъ по образованію былъ артиллерійскій офицеръ и служилъ въ кронштадтской крѣпостной артиллеріи. Одно время онъ былъ слушателемъ артиллерійской академіи, но удаленъ оттуда за неблагонадежность. Потомъ онъ вышелъ въ отставку. Большія способности къ математикѣ, какъ и вообще хорошія способности, соединенныя съ большою трудоспособностью, возбудили въ немъ желаніе поступить въ институтъ путей сообщенія. Онъ это и исполнилъ, и въ годы, къ которымъ относятся мои воспоминанія, онъ состоялъ уже студентомъ института.

Сношенія Дегаева съ революціоннымъ міромъ Петербурга начались въ концѣ 70-хъ годовъ. И такъ какъ онъ всегда могъ представить наилучшія рекомендаціи послѣдующимъ дѣятелямъ на революціонномъ поприщѣ, то его связи продолжались также съ народовольцами, программу которыхъ онъ раздѣлялъ. Его считали полезнымъ членомъ партіи: онъ велъ, насколько это было выполнимо, пропаганду между студентами-путейцами и предоставилъ народовольцамъ знакомство съ нѣкоторыми радикалами-офицерами

изъ своихъ прежнихъ сослуживцевъ. Между прочимъ, Дегаевъ въ 80 г. служилъ связующимъ звеномъ между партіей Народной Воли и центральнымъ петербургскимъ студенческимъ кружкомъ, всѣ члены котораго ему поэтому были извѣстны. Вообще онъ никогда не отказывался исполнять порученія, которыя ему давались членами Исполнительнаго Комитета. Состава послѣдняго Дегаевъ не зналъ, но несомнѣнно, что, приходя часто въ соприкосновеніе съ нѣкоторыми его членами, онъ догадывался о ихъ принадлежности къ Комитету.

Въ 80 г. Дегаевъ перевезъ въ Петербургъ свою семью съ юга Россіи. Семья эта состояла изъ матери, двухъ сестеръ, изъ которыхъ старшая была замужемъ за техникомъ М., окончившимъ курсъ въ Московскомъ техническомъ училищѣ, и младшаго брата Владимира.

Кажется, не будетъ ошибкою, если я скажу, что семья Дегаева была очень романтична. Ей нравилось все необыкновенное и чрезвычайное. И эта любовь къ исключительному вліяла на поступки всѣхъ членовъ семьи. Старшая сестра Дегаева была убѣждена, что въ ней кроется большой сценическій талантъ, и готовилась стать знаменитостью. Пріѣхавъ въ Петербургъ, она пожелала дебютировать передъ большой публикой. Нѣкоторые радикалы, знакомые ея брата, доставили ей знакомство съ Артистическимъ Кружкомъ, и на его сценѣ долженъ былъ состояться дебютъ жаждавшей проявить свой талантъ артистки. Драматическій вечеръ состоялся, сестра Дегаева выступила съ большой смѣлостью, но успѣха не имѣла. Она не обладала красотой, которая могла бы подкупить зрителей, таланта въ ней не открыли, а дикцію ея нашли манерной и нехудожественной. Неудача сразу охладила рвеніе къ театру молодой особы, и вскорѣ послѣ своего провала (иначе нельзя назвать холодность, съ которой встрѣтила ее публика) она уѣхала обратно изъ Петербурга въ Харьковъ.

Лѣтомъ 81 г. мнѣ случилось быть въ Харьковѣ, и по просьбѣ матери Дегаева, тогда жившей у замужней дочери, я посѣтила ее. Въ этотъ мой пріѣздъ хозяйка дома, которая, къ слову сказать, очень мало меня знала, увѣряла меня, что въ бытность ея въ Парижѣ, за годъ или за 2 до того, Петръ Лавровичъ Лавровъ объяснялся ей пламенно въ любви, но она устояла противъ всѣхъ искушеній. Теперь, какъ и тогда, я считаю этотъ разсказъ старшей сестры Дегаева плодомъ ея фантазіи и любви къ романтизму. Мои усилія убѣдить ее, что она ошибочно приняла какую-нибудь дружескую бесѣду за объясненіе въ любви, не привели ни къ чему. Она твердо стояла на томъ, что П. Л. былъ безъ ума въ нее влюбленъ, и, видимо, это убѣжденіе доставляло ей большое удовольствіе.

Младшую сестру звали Лизой, и она просила радикаловъ, бывавшихъ въ Петербургѣ въ квартирѣ ея брата, называть ее этимъ уменьшительнымъ именемъ. Въ 80 г. это была молодая дѣвушка лѣтъ 21—22, красивой наружности, одѣтая всегда съ претензіей

на изящество и даже кокетство. Она училась въ петербургской консерваторіи и, по мнѣнію ея родныхъ, очень хорошо играла на фортепіано.

Тотчасъ послѣ переселенья своей семьи въ Петербургъ, Сергѣй Петровичъ сталъ настаивать на томъ, чтобы представители Народной Воли, которыхъ онъ зналъ, сирѣчь члены Исполнительнаго Комитета, посѣтили его съ цѣлью познакомиться съ его матерью и сестрами. Не желая оскорбить Дегаева отказомъ, нѣкоторые члены Комитета рѣшили пожертвовать нѣсколькими часами драгоцѣннаго времени для скучнаго и не представлявшаго ни малѣйшаго интереса посѣщенія. Послѣ много разъ повтореннаго приглашенія, Желябовъ и, кажется, еще кое-кто отправились къ Дегаевымъ. Въ этотъ вечеръ Лиза играла на роялѣ, но игра ея впечатлѣнія на гостей не произвела, и все дѣло ограничилось лишь нѣсколькими вынужденными съ ихъ стороны по адресу Лизы комплиментами.

Такъ какъ Дегаевъ былъ очень чувствителенъ къ знакамъ уваженія и довѣрія, оказываемымъ его семьѣ, то народовольцы и послѣ этого вечера посѣщали его. Они пользовались его квартирой для маловажныхъ свиданій или для другихъ подобныхъ цѣлей. Старуха мать смотрѣла очень благосклонно на эти посѣщенія и принимала гостей съ неизмѣннымъ радушіемъ и привѣтливостью. Что руководило ею при этомъ? Сама она производила впечатлѣніе мало развитой и мало образованной женщины, наружностью напоминавшей чиновницу средней руки или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она знала, что гости ея сына принадлежатъ къ виднымъ революціоннымъ дѣятелямъ, и любила изъ ихъ устъ слышать самыя свѣжія новости изъ революціоннаго міра, дѣяніями котораго былъ полонъ тогда весь Петербургъ. Ея внезапное увлеченіе революціоннымъ движеніемъ было правдиво, иначе она сдѣлалась бы доносчицей, но оно не могло быть глубокимъ, такъ какъ началось со вчерашняго дня.

Тщеславіе было свойственно семьѣ Дегаевыхъ, и возможно, что съ своей стороны мать лелѣяла заманчивые планы будущаго. Можетъ быть, ей мерещилось, что когда-нибудь эти смѣлые люди съ выразительными и обаятельными лицами составятъ счастье горячо любимыхъ дѣтей ея! Впрочемъ, къ чести госпожи Дегаевой надо сказать, что ей не были чужды и вполнѣ человѣчныя чувства, источникомъ которыхъ являлись непосредственные импульсы сердца. Когда послѣ 1 марта 1881 года она узнала изъ приговора осужденныхъ, что у Гесси Гельфманъ долженъ родиться ребенокъ, она вызвала меня къ себѣ черезъ кого-то и со слезами на глазахъ просила помочь ей получить этого ребенка на воспитаніе. Я обѣщалась сдѣлать все, что будетъ возможно, но уже тогда выразила сомнѣніе въ осуществимости такого проекта. Когда же я посѣтила почтенную даму въ Харьковѣ, я должна

была ей сказать, что доброе намѣреніе ея оказалось невыполнимымъ [1]).

На Елизаветѣ Петровнѣ Дегаевой вполнѣ оправдалось мое мнѣніе о томъ, что семья эта была обуреваема романтизмомъ. Въ день исполненія приговора надъ первомартовцами она захотѣла непремѣнно присутствовать при казняхъ. Остальные члены семьи отказались ей сопутствовать, и она отправилась одна на лобное мѣсто Петербурга. Ужасное зрѣлище вызвало въ ней обморочное состояніе. Она пошатнулась и упала въ предупредительно разставленныя подлѣ нея объятія «гороховаго пальто» [2]), у котораго оказался припасенный пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ. Нашатырный спиртъ и любезность кавалера привели барышню въ чувство. Молодой человѣкъ предложилъ ей отвезти ее домой, на что она охотно согласилась. Подъѣзжая на извозчикѣ къ своей квартирѣ, барышня попросила своего спутника зайти къ ней, чтобы представиться ея мамашѣ, которая будетъ очень рада познакомиться съ спасителемъ ея дочери. Носитель гороховаго пальто не заставилъ себя упрашивать и былъ ласково принятъ матерью,—Сергѣемъ Петровичемъ же хмуро и недовѣрчиво. Его пригласили къ семейному обѣду, за которымъ онъ одинъ говорилъ. Онъ выдалъ себя за служащаго въ какой-то строительной конторѣ и увѣрялъ, что это учрежденіе даетъ хорошіе заработки переписчикамъ его бумагъ. Елизавета Петровна съ одушевленіемъ стала его просить доставить ей переписку, такъ какъ она давно уже ищетъ работы, желая скопить нѣсколько денегъ для поступленія на высшіе женскіе курсы. Нечего и говорить, что ея желаніе было болѣе чѣмъ быстро исполнено. На другой же день кавалеръ явился съ пачкою бумагъ подъ мышкой и поручилъ барышнѣ ихъ переписку на весьма выгодныхъ условіяхъ. Его посѣщенія участились и стали обыкновеннымъ явленіемъ въ квартирѣ Дегаевыхъ. Безпокойство Сергѣя Петровича росло, такъ какъ его наблюденія надъ новымъ знакомымъ ничего хорошаго ему не говорили. Онъ повидался съ Савеліемъ Златопольскимъ [3]), пребывавшимъ тогда въ Петербургѣ. Златопольскій справился въ

---

[1]) Впослѣдствіи въ 1882 г., находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, я узнала, что ребенокъ Г. Гельфманъ тотчасъ послѣ его рожденія былъ увезенъ въ каретѣ, въ которой помѣстились тогдашній начальникъ тюрьмы и начальница женскаго отдѣленія ея. Куда эти лица увезли ребенка—неизвѣстно, но вѣроятно въ воспитательный домъ. (Намъ безусловно извѣстно, что именно въ воспитательный домъ. *Ред.*). Сама Гесся умерла вскорѣ послѣ родовъ отъ недостатка медицинской помощи. Свидѣтельницы ея послѣднихъ дней говорили мнѣ, что невозможно было видѣть безъ содроганія муки бѣдной страдалицы, заключенной въ одиночной камерѣ, лишенной всякаго ухода. Никто не старался облегчить ея страданія. Насильственный увозъ ребенка несомнѣнно ускорилъ смерть Гесси.

[2]) Быть можетъ инымъ изъ нашихъ молодыхъ читателей неизвѣстно, что „гороховыми пальто“, съ легкой руки пустившаго это выраженіе въ обращеніе Щедрина, долгое время назывались въ нашемъ обществѣ и литературѣ „тайные агенты полиціи“. т. е., по просту говоря, шпіоны.

Ред.

[3]) Приговоренъ къ смерти въ 1883 г. по процессу 17-ти (судился вмѣстѣ съ авторомъ настоящихъ воспоминаній), былъ затѣмъ „помилованъ“ замѣною смерти вѣчной каторгой и умеръ въ Шлиссельбургѣ.

Ред.

спискѣ шпіоновъ, которымъ обладалъ Исполнительный Комитетъ со времени Клѣточникова [1]). Въ немъ значится новый знакомый Дегаевыхъ съ именемъ, отчествомъ, фамиліей и съ примѣтами его привлекательной наружности.

Сергѣй Петровичъ просилъ пришельца прекратить посѣщеніе его дома подъ предлогомъ, что не желаетъ, чтобы его сестра вела знакомство съ молодымъ человѣкомъ, никѣмъ ей не рекомендованнымъ.

Въ 80 г. Владимиру Дегаеву было 19 лѣтъ. Онъ былъ небольшого роста, съ свѣтло-пепельными волосами, съ очень блѣднымъ лицомъ, сохранившимъ, какъ и симпатичные глаза, почти дѣтское выраженіе; вслѣдствіе этого юноша казался много моложе своихъ лѣтъ. Онъ учился въ морскомъ корпусѣ, но былъ удаленъ оттуда за неблагонадежность, послѣ чего поступилъ на службу въ правленіе какой-то желѣзной дороги, кажется Рязанской. Въ этомъ же учрежденіи занимался, будучи въ то же время студентомъ, и его братъ Сергѣй. Познакомившись черезъ своего брата съ революціоннымъ движеніемъ, онъ искренно и горячо имъ увлекся. Изъ всѣхъ Дегаевыхъ, въ томъ числѣ и Сергѣя, Володя былъ наиболѣе способенъ къ воспріятію идей. Въ отличіе отъ другихъ членовъ семьи онъ могъ руководиться ими въ своихъ поступкахъ, не повинуясь скрытымъ побужденіямъ тщеславія, любви къ чрезвычайному и т. п. Мысль, что началась борьба за освобожденіе Россіи отъ самодержавнаго произвола, что и онъ можетъ принять участіе въ этой борьбѣ, наполнила его дѣтски чистую душу восторгомъ, подъ вліяніемъ котораго онъ былъ готовъ на самыя большія жертвы. Къ революціонерамъ, посѣщавшимъ его брата, онъ относился съ благоговѣніемъ. Эти суровые люди, всегда поглощенные дѣлами и сосредоточенные на задачахъ дня, на минуту забывались въ разговорѣ съ нимъ; его искреннее увлеченіе вызывало на ихъ лицахъ дружескую улыбку, и симпатіи къ юношѣ зарождались въ ихъ сердцахъ. Мнѣ приходилось слышать отъ многихъ нашихъ народовольцевъ, что у Володи болѣе цѣльный характеръ, чѣмъ у его брата, что онъ самый симпатичный изъ всѣхъ Дегаевыхъ.

Погромы начала 81 года положили конецъ частымъ сношеніямъ революціонеровъ съ С. Дегаевымъ. Около того же времени Володя попался съ прокламаціями и былъ посаженъ въ домъ предварительнаго заключенія. Его арестъ уже продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды знаменитый Судейкинъ вызвалъ его къ себѣ на допросъ. «Я знаю, что вы мнѣ ничего не скажете,—обратился онъ къ нему,—и не для того я позвалъ васъ, чтобы задавать вамъ безполезные вопросы. У меня другая цѣль относительно васъ. Я хочу предложить вамъ очень выгодныя условія. Ваше дѣло будетъ прекращено, ваша виновность будетъ забыта, если вы мнѣ окажете существенную услугу».—«Какъ!—

---

[1]) См. процессъ 20-ти народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“. *Ред.*

воскликнулъ съ негодованіемъ юноша, вы хотите изъ меня сдѣлать шпіона! Кто далъ вамъ право говорить мнѣ подобныя вещи?»— кричалъ онъ, выходя изъ себя. Но Судейкинъ остановилъ его. Начиналась игра кошки съ мышью, столь любимая Судейкинымъ. «Вы даже не выслушали меня, а уже разсердились,—замѣтилъ онъ, самоувѣренно улыбаясь.—Не думайте, что я предназначаю васъ на роль шпіона или предателя. Я не рѣшился бы на это изъ уваженія къ вашей семьѣ; и по васъ вижу, что вы слишкомъ благородны для такихъ ролей. То, что я вамъ предлагаю, заключается въ слѣдующемъ: правительство желаетъ мира со всѣми, даже съ революціонерами. Оно готовитъ широкія реформы. Нужно, чтобы революціонеры не препятствовали дѣятельности правительства. Нужно ихъ сдѣлать безвредными. И помните, ни одного предательства, ни одной выдачи я отъ васъ не потребую».—По мѣрѣ того, какъ произносилась эта рѣчь, Володя больше и больше задумывался. Клѣточниковъ уже былъ арестованъ. Вѣсть о его значеніи для революціонной партіи распространилась по Петербургу. О ней знала вся радикальная молодежь. Многіе юноши мечтали сдѣлаться Клѣточниковыми. Этого желалъ и Володя. Слова Судейкина прозвучали для него откровеніемъ. Оказывать неоцѣнимыя услуги партіи, спасать революціонеровъ отъ опасности! Какая побѣда! Какой ударъ для звѣря, котораго онъ видѣлъ передъ собой! Можетъ быть, судьба именно его, юношу, почти еще мальчика, предназначила для великихъ дѣлъ! И если онъ приметъ предложеніе Судейкина, то только потому, что онъ всѣмъ сердцемъ желаетъ свободы для своей родины, потому что онъ страстно ожидаетъ наступленія царства справедливости и счастья на землѣ.

Судейкинъ уже кончилъ говорить, а Володя молчалъ, погруженный въ свои наивныя мечтанія. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ Судейкинъ могъ наслаждаться произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.

«Я ничего не могу вамъ отвѣтить, опомнился наконецъ Володя, не подумавши надъ вашими словами, но и сейчасъ же скажу вамъ, что никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ вы не услышите отъ меня ни одного имени, не дождетесь ни одного предательства!» «Я вполнѣ въ этомъ увѣренъ, Владиміръ Петровичъ», воскликнулъ Судейкинъ, внезапно превращаясь въ джентльмена.

Въ тотъ же день Володя былъ освобожденъ. Онъ возвращался домой взволнованный и возбужденный: онъ торопился узнать мнѣніе старшаго брата о предложеніи Судейкина. Совѣщанія съ Сергѣемъ Петровичемъ повели къ тому, что послѣдній отыскалъ представителя Комитета, изъ котораго только одинъ Савелій Златопольскій въ то время проживалъ въ Петербургѣ. Другіе члены комитета находились лѣтомъ 81 года или въ Москвѣ, или въ провинціи.—Златопольскій не отклонилъ Володю отъ мысли поступить на службу къ Судейкину. Онъ выяснилъ юношѣ всю

трудность пути, на который зоветъ его Судейкинъ, указывалъ на возможность того, что его самоотреченіе останется безъ всякихъ результатовъ для партіи и пройдетъ безслѣдно, но онъ не воспротивился рѣшительнымъ образомъ осуществленію проекта Судейкина, тогда какъ одного его слова было бы достаточно, чтобы удержать юношу отъ ложнаго шага. Савелій Златопольскій былъ поглощенъ идеей залѣчить рану, нанесенную партіи арестомъ Клѣточникова. Но соглашаясь на услуги Володи, онъ упускалъ изъ виду, что искусственно и скороспѣло не создаются Клѣточниковы и, въ особенности, не создаются изъ дѣтей! И что еще важнѣе,—онъ забывалъ громадное различіе, которое существуетъ между скрытымъ контръ-шпіономъ и такимъ, который завербованъ правительствомъ изъ рядовъ радикаловъ. Въ первомъ случаѣ, какъ это и было съ Клѣточниковымъ, такое лицо можетъ все болѣе и болѣе пріобрѣтать довѣріе своего начальства, не совершая подлостей. Во второмъ случаѣ, человѣкъ будетъ очень скоро выставленъ за дверь, какъ случилось съ Володей, или же онъ станетъ предателемъ въ самомъ мрачномъ значеніи этого слова и поможетъ правительству тащить революціонеровъ на висѣлицу, какъ сдѣлалъ Сергѣй Дегаевъ.

Для Володи началась его мнимая служба у Судейкина, а въ сущности невѣроятно нелѣпое и тягостное для бѣдняги положеніе. Такъ какъ онъ не давалъ Судейкину никакихъ свѣдѣній, то въ его глазахъ и не имѣлъ никакой цѣны. Самъ онъ, мечтавшій при своемъ дебютѣ узнавать очень многое отъ лицъ, окружавшихъ Судейкина, вскорѣ убѣдился, что онъ и видитъ-то только безмолвнаго швейцара у подъѣзда, да жандарма, который подавалъ чай въ кабинетъ, гдѣ происходили свиданія Володи съ Судейкинымъ. Было очевидно, что послѣдній черезъ своего молодого агента желаетъ прослѣдить народовольцевъ, а если возможно, то и членовъ Исполнительнаго Комитета; поэтому Златопольскій никогда не видался съ Володей, а посредникомъ между ними былъ Сергѣй Дегаевъ. Кромѣ скрытыхъ цѣлей, которыя имѣлъ въ виду Судейкинъ, завязывая сношенія съ Володей, онъ открыто ставилъ требованіе, чтобы тотъ сообщалъ ему о настроеніяхъ и новыхъ теченіяхъ, съ которыми онъ будетъ встрѣчаться, а главное, чтобы онъ сообщалъ ему, если услышитъ о готовящихся террористическихъ фактахъ. Между Судейкинымъ и Володей произошелъ однажды такой разговоръ:

Судейкинъ: Вы обращаете мое предпріятіе въ шутку, такъ какъ ничего не дѣлаете, чтобы оправдать довѣріе, которое я вамъ оказалъ.

Володя: Я совершенно серьезно смотрю на принятыя мною передъ вами обязательства, но я ничего не знаю, потому что боюсь показаться куда бы то ни было. Ваши агенты выслѣдятъ тѣхъ невинныхъ людей, къ которымъ я пойду, донесутъ вамъ на нихъ, и вы ихъ арестуете.

Судейкинъ: Я далъ приказъ, чтобы за вами не слѣдили.

О настроеніи въ революціонной средѣ Володя постоянно сообщалъ, что, насколько ему извѣстно, оно не измѣнялось, а о террористическихъ фактахъ докладывалъ, что о нихъ ничего не слышно. Такъ тянулось дѣло до начала 82 г.

Въ январѣ или въ февралѣ Володя попросилъ у Судейкина командировку за границу. Предлогомъ для своей поѣздки онъ выставилъ намѣреніе сблизиться съ эмигрантами и заручиться ихъ рекомендаціями, съ которыми онъ де и пріѣдетъ въ Петербургъ для того, чтобы завязать болѣе тѣсныя сношенія съ радикальною молодежью. Непремѣннымъ условіемъ онъ ставилъ, чтобы заграничные шпіоны ничего не знали о его пріѣздѣ, иначе онъ грозилъ немедленно порвать всякія сношенія съ Судейкинымъ. Послѣдній согласился на это условіе и сдержалъ обѣщаніе, но Володя мало отъ этого выигралъ. Пріѣзду его въ Парижъ предшествовало письмо Златопольскаго, въ которомъ тотъ характеризовалъ положеніе молодого Дегаева безъ утайки, такимъ, какъ оно было въ дѣйствительности. Но когда парижскіе эмигранты увидали Володю, посланнаго къ нимъ одновременно и Исполнительнымъ Комитетомъ и Судейкинымъ, увидали юношу, недавно вышедшаго изъ отрочества, то тотчасъ же отказались имѣть съ нимъ какія бы то ни было дѣла, отказывались даже отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ нимъ. Володя вернулся въ Петербургъ не солоно хлебавши. Впрочемъ, онъ выѣхалъ изъ-за границы не тотчасъ послѣ своей неудачи. Во-первыхъ, ее надо было скрыть отъ Судейкина и потому продолжить пребываніе заграницей. Во-вторыхъ, одна изъ причинъ его поѣздки состояла въ томъ, что ему надо было передохнуть отъ той удушливой атмосферы, въ которую онъ попалъ, и хоть на время избавиться отъ душившаго его кошмара. Онъ прожилъ нѣсколько недѣль за границею, употребляя свой досугъ на чтеніе и самообразованіе.

Судейкинъ встрѣтилъ его довольно сурово. Онъ заявилъ ему, что до сихъ поръ не видалъ результатовъ отъ своихъ стараній извлечь какую-нибудь пользу изъ дѣятельности своего молодого агента и отъ расходовъ, потраченныхъ на него, что онъ ему даетъ еще нѣкоторое время для исправленія дурного мнѣнія, которое онъ составилъ о его пригодности къ «дѣлу», но, если образъ дѣйствія его не измѣнится, то имъ придется разстаться. Володя обѣщался оправдать оказанное ему довѣріе и совершенные для него расходы. Надо правду сказать: расходы эти были очень незначительны, и ихъ едва хватало на покрытіе незатѣйливыхъ Володиныхъ потребностей.

Вскорѣ послѣ этой начальнической головомойки состоялось знакомство Сергѣя Дегаева съ Судейкинымъ по иниціативѣ перваго изъ нихъ. Но о свиданіяхъ героевъ позднѣйшей драмы я разскажу въ своемъ мѣстѣ, когда перейду къ фактамъ, относящимся къ дѣятельности Дегаева, теперь же тороплюсь къ развязкѣ похожденій его младшаго брата.

Поведеніе Володи не могло измѣниться, и потому въ глазахъ

Судейкина онъ оставался по-старому плохимъ служащимъ, котораго предстояло уволить не сегодня—завтра. Въ маѣ Судейкинъ призвалъ его къ себѣ, чтобы дать ему окончательную отставку. Онъ излилъ передъ нимъ всю горечь своего разочарованія и въ заключеніе сообщилъ ему обязательства, которыя въ дальнѣйшемъ на него налагались. Для Володи наступилъ призывной возрастъ, и онъ долженъ былъ отбывать воинскую повинность. Судейкинъ потребовалъ, чтобы онъ отправился въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Саратовѣ. «Устройтесь такъ, сказалъ онъ ему на прощаніе, чтобы правительство никогда больше не слышало о васъ». Это звучало угрозой, и Володя съежился подъ ея ударомъ. Этимъ онъ доказалъ, что былъ, хотя и вполнѣ чистоплотной, но въ сущности слабой личностью. Онъ поторопился сдать юнкерскій экзаменъ и выѣхалъ на службу въ Саратовъ. Съ тѣхъ поръ онъ погрузился въ неизвѣстность, и имя его покрыто забвеніемъ. Самое первое время у Володи были еще нѣкоторыя сношенія съ проживавшими въ Саратовѣ нелегальными Франжоли и его женой Завадской, но съ отъѣздомъ ихъ изъ Саратова всякія связи радикальнаго міра съ Володей оборвались совершенно и, кажется, болѣе никогда не возобновлялись.

Желая возстановить, насколько возможно, прошлое Сергѣя Дегаева, я намѣренно долго останавливалась на описаніи его семьи, такъ какъ она составляетъ ту среду, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Семья эта не была ни дурна, ни порочна, но чего ей абсолютно не доставало—это твердо установившихся принциповъ и знанія тѣхъ границъ, на которыхъ останавливается чуткая совѣсть или гордое самоуваженіе. Она являла собою зыбкую почву и не могла дать русскому революціонному движенію закаленнаго борца за свободу; она дала ему человѣка способнаго, предпріимчиваго, дѣятельнаго, но тщеславнаго, лишь посредственно смѣлаго, принимавшаго участіе въ опасныхъ предпріятіяхъ частью изъ тщеславія и, можетъ быть, также изъ любви къ чрезвычайному, столь свойственной всему семейству Дегаевыхъ. И этотъ человѣкъ, когда очутился въ тюрьмѣ и увидалъ въ перспективѣ для себя каторгу, не выдержалъ испытанія и палъ до самыхъ низовъ той пропасти, гдѣ кроются измѣна, предательство, шпіонство.

Такимъ Дегаевъ обнаружился впослѣдствіи, въ 80 и 81 же годахъ онъ неизмѣнно оказывался хорошимъ работникомъ на разныхъ революціонныхъ поприщахъ и вѣрнымъ сотрудникомъ народовольцевъ, которые относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ, считали его своимъ человѣкомъ и никогда не сомнѣвались въ его добропорядочности. Самъ Дегаевъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ февралѣ 1881 г. онъ поручилъ Х. передать Комитету, что чувствуетъ себя обиженнымъ. Онъ жаловался на то, что въ то время, когда онъ дѣлаетъ для революціоннаго движенія все, что только можетъ, и готовъ отдать ему всѣ свои

силы, Комитетъ всетаки считаетъ его недостойнымъ стать въ его ряды.

Комитетъ отвѣтилъ черезъ лицо, передававшее жалобу Дегаева, что очень цѣнитъ его услуги, вполнѣ вѣритъ въ его искренность, безусловно довѣряетъ ему, и если не вводитъ его въ учрежденіе, стоящее во главѣ движенія, то только потому, что не находитъ его достаточно революціоннымъ. Если же онъ желаетъ проявить свое рвеніе къ дѣлу, ему предоставятъ возможность участвовать въ работахъ по террористическому факту, которыя въ данный моментъ ведутся.—Дегаевъ удовлетворился отвѣтомъ и выразилъ согласіе на предложеніе Комитета. Его допустили къ участію въ подкопѣ на Малой Садовой улицѣ, гдѣ минныя работы велись только по ночамъ и, само собой разумѣется, представляли большой рискъ и большую опасность. Этотъ искусъ Дегаевъ прошелъ благополучно, но положеніе его не измѣнилось, и, повидимому, мысль проникнуть въ Комитетъ не оставляла его и по временамъ тревожила. Предположеніе мое подтверждается тѣмъ, что гораздо позднѣе, зимой 82 г. (въ январѣ), Дегаевъ повторилъ мнѣ свои жалобы. Большіе аресты народовольцевъ уже произошли тогда, и это обстоятельство въ глазахъ Дегаева значительно увеличило его шансы попасть въ Комитетъ.

Я возвращалась однажды съ нимъ по желѣзной дорогѣ изъ Кронштадта, куда мы ѣздили по дѣламъ военнаго кружка. Вагонъ, въ который мы помѣстились, былъ пустой, никто не могъ услышать нашъ разговоръ, и Дегаевъ воспользовался случаемъ, чтобы излить передо мною свое неудовольствіе: онъ перечислялъ свои заслуги и разсказывалъ о своихъ тщетныхъ усиліяхъ достичь равноправія съ заправилами партіи. «Отношеніе Комитета ко мнѣ становится еще болѣе непонятнымъ,—говорилъ онъ—послѣ арестовъ многихъ его членовъ. Не можетъ же Комитетъ отрицать, что онъ понесъ большія потери, такъ какъ столько выдающихся людей не могли не принадлежать къ его составу».

Не желая поддерживать разговоръ на эту тему, я выразила Дегаеву соболѣзнованіе по поводу его положенія и совѣтовала ему настаивать на своемъ пріемѣ.

Разумѣется, при томъ безлюдіи, которое ощущалъ въ то время Комитетъ, единственнымъ препятствіемъ для принятія Дегаева служило, какъ и раньше, убѣжденіе, что онъ не придастъ ему силы. Его не признавали самостоятельнымъ носителемъ революціонной идеи, и это мнѣніе Комитета являлось непреодолимой преградой, которую Дегаевъ встрѣчалъ на своемъ пути.

Испытывалъ-ли когда-нибудь Дегаевъ искушеніе сдѣлаться предателемъ ранѣе, чѣмъ онъ сталъ имъ фактически? На этотъ вопросъ врядъ-ли можетъ отвѣтить кто-либо, кромѣ него самого. Теоретически мысль его останавливалась на случаяхъ предательства, и онъ углублялся въ ихъ анализъ. Я заключила объ этомъ изъ словъ, сказанныхъ имъ мнѣ незадолго до 1 марта

1881 года, въ тотъ періодъ времени, когда онъ работалъ въ подкопѣ на М.-Садовой.

Мы встрѣтились въ посторонней квартирѣ. Поговоривъ о дѣлѣ, ради котораго мы пришли, Дегаевъ остался сидѣть у стола, за которымъ мы помѣщались. У меня было нѣсколько минутъ свободныхъ, и я не торопилась уйти. Помолчавъ немного, онъ сказалъ, что его очень интересуетъ вопросъ, почему въ Россіи всегда счастливо доводятся до конца политическіе заговоры? Не было случая, чтобы у насъ заговоры не удавались вслѣдствіе доноса, тогда какъ въ другихъ странахъ судьба политическихъ заговоровъ была совершенно иная, и чаще всего они разоблачались въ самомъ началѣ своего возникновенія. Меня удивила неожиданность этой темы; все же я, вѣроятно, никогда не вспомнила бы о тогдашнемъ разговорѣ съ Дегаевымъ, еслибъ не произошелъ позднѣйшій поворотъ въ его жизни. Я отвѣтила ему, что вижу причины удачи политическихъ заговоровъ въ Россіи въ томъ, что они являются народнымъ, а не партійнымъ дѣломъ,—и тотъ, кто захотѣлъ бы стать измѣнникомъ революціоннаго предпріятія въ Россіи, долженъ бы сдѣлаться прежде всего предателемъ народнаго освобожденія, и это вѣроятно чувствуется всякимъ, кто былъ бы способенъ на доносъ.

Дегаевъ согласился съ моимъ мнѣніемъ, и мы разстались.

Вскорѣ послѣ 1 марта Дегаевъ былъ арестованъ по пустяшному подозрѣнію или, вѣрнѣе, потому, что тогда всѣхъ арестовывали. Онъ легко выпутался изъ бѣды, доставивъ неопровержимыя доказательства того, что онъ всецѣло поглощенъ легальными занятіями, и у него не остается времени для революціонныхъ увлеченій. Дѣйствительно, онъ готовился къ экзаменамъ, давалъ уроки и бралъ изъ министерства заказную чертежную работу. Ему удалось также доказать, что его довольно многочисленная семья существовала исключительно на его заработки. Конечно, всего этого было достаточно, чтобы заполнить время всякаго зауряднаго работника; слѣдствіе нашло Дегаева вполнѣ благонамѣреннымъ, и послѣ нѣсколькихъ дней онъ былъ выпущенъ. По окончаніи экзаменовъ онъ получилъ командировку въ Архангельскую губернію для инженерныхъ изысканій.

По дорогѣ въ Архангельскъ онъ видѣлся въ Москвѣ съ нѣкоторыми членами Комитета. Его братъ въ то время началъ уже свою карьеру у Судейкина, и Дегаевъ говорилъ объ этомъ въ Москвѣ. Отъ членовъ Комитета ему пришлось выслушать упреки въ томъ, что онъ не воспротивился службѣ малолѣтняго брата своего у Судейкина.

Вообще, можно сказать, что остальные члены Комитета порицали Златопольскаго за его затѣю съ Володей Дегаевымъ. Они много разъ настаивали, чтобы сношенія съ нимъ были прекращены, но Златопольскій постоянно просилъ отсрочки для окончанія дѣла, надѣясь въ концѣ концовъ извлечь изъ него пользу для партіи.

Въ Архангельскѣ Дегаевъ женился на тамошней мѣщанкѣ, не отличавшейся ни образованіемъ, ни нравственнымъ развитіемъ; эта особа, разумѣется, не могла способствовать облагораживанію духовнаго облика своего мужа.

Вернувшись осенью въ Петербургъ, Дегаевъ продолжалъ свои занятія въ институтѣ путей сообщенія и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ С. Златопольскаго, все еще остававшагося единственнымъ представителемъ Комитета въ Петербургѣ. Это былъ періодъ расцвѣта революціонной военной организаціи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ много энергичныхъ и выдающихся личностей. Пропаганда велась въ разныхъ городахъ Россіи и шла очень успѣшно. Молодые офицеры жаждали продолженія дѣятельности партіи Народной Воли и готовы были поддержать ее всѣми средствами, которыми располагали.

Однако же силы Народной Воли были такъ надорваны, что о новыхъ предпріятіяхъ не могло быть и рѣчи. Приходилось только пополнять кадры революціонеровъ для того момента, когда Комитетъ почувствуетъ себя опять сильнымъ попрежнему. Этого никогда не случилось.

Февральскіе аресты въ Москвѣ причинили Комитету новыя потери.

Осенью 81 г., правда, еще нельзя было предвидѣть такого исхода. Общее настроеніе въ Петербургѣ было бодрое, а успѣхи военной организаціи предвѣщали новыя побѣды въ будущемъ.

Сношенія съ кронштадтскимъ военнымъ кружкомъ въ это время вплоть до весны 82 г. въ значительной степени велись Дегаевымъ, такъ какъ Златопольскій не имѣлъ возможности часто отлучаться изъ Петербурга. Онъ ввелъ въ кружокъ Дегаева, который зналъ такимъ образомъ весь его составъ. Нѣкоторые члены кружка были ему знакомы ранѣе и онъ же рекомендовалъ ихъ Комитету.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Сергѣй Дегаевъ служилъ посредникомъ между своимъ братомъ и Златопольскимъ, о чемъ я упоминала раньше. (Въ его отсутствіе изъ Петербурга эта обязанность лежала на другомъ лицѣ). Впрочемъ, позднѣе, и въ особенности послѣ того, какъ онъ убѣдился въ осторожности Володи, Златопольскій иногда лично видался съ нимъ. Въ такомъ положеніи я застала дѣла, когда возвратилась въ Петергургъ въ началѣ января 82 г. послѣ болѣе чѣмъ полугодовой отлучки.

Въ мартѣ Златопольскій уѣхалъ въ Москву и былъ тамъ арестованъ. Его замѣнили въ Петербургѣ Грачевскій и другое лицо, которые были присланы для усиленія Комитета.

На очереди стало дѣло объ убійствѣ Судейкина. Онъ успѣлъ произвести такое опустошеніе въ рядахъ Комитета и всей партіи, что неизбѣжно возникъ вопросъ объ его устраненіи, которое становилось условіемъ, при которомъ только возможно было дальнѣйшее существованіе самой партіи «Нородной Воли». Въ моментъ пріѣзда Грачевскаго въ Петербургъ планъ убійства еще

не былъ выработанъ. Одно было ясно, что Володя для этой цѣли непригоденъ, и о немъ, какъ объ исполнителѣ, никто даже не подумалъ. Съ своей стороны Сергѣй Дегаевъ рѣшился лично познакомиться съ Судейкинымъ, о чемъ онъ говорилъ Грачевскому и о чемъ съ нимъ совѣтовался. Володя долженъ былъ сказать Судейкину, что Сергѣй Петровичъ сильно стѣсненъ въ деньгахъ и ищетъ письменной работы, что онъ поручилъ спросить у него, Судейкина, не можетъ-ли онъ ему доставить чертежную работу или переписку бумагъ.

Оба,—Дегаевъ и Грачевскій,—разсчитывали на то, что Судейкинъ приметъ эту просьбу, какъ шагъ къ сближенію съ нимъ и пойдетъ ему на встрѣчу. Дегаевъ уже зналъ, что убійство Судейкина рѣшенное дѣло. Онъ высказалъ Грачевскому свое мнѣніе о томъ, что необходимо для партіи, въ видахъ самосохраненія, покончить съ Судейкинымъ. Это понимали въ то время всѣ, стоявшіе близко къ дѣламъ Народной Воли и принимавшіе участіе въ ея судьбѣ. На слова Дегаева Грачевскій отвѣтилъ, что рѣшеніе Комитета уже состоялось, и что лично онъ занятъ приведеніемъ этого рѣшенія въ исполненіе. Дегаевъ не брался за убійство Судейкина, но желалъ быть полезнымъ при выслѣживаніи Судейкина и надѣялся, что его знакомство съ нимъ обнаружитъ до нѣкоторой степени образъ его жизни, привычки, а, можетъ быть, и квартиру.

Но выслѣдить Судейкина было очень трудно. У него оказалась не одна, а множество квартиръ, разбросанныхъ по всему Петербургу, которыя онъ посѣщалъ не въ опредѣленные сроки, а когда вздумается. Къ тому же эти квартиры были очень недолговѣчны: послѣ 2-3 посѣщеній онѣ бросались, и заводились новыя. Ѣздилъ онъ по преимуществу въ наемныхъ каретахъ, и иногда усаживалъ въ такую карету того человѣка, который ему нуженъ былъ для переговоровъ.

Разсчетъ Дегаева и Грачевскаго оправдался. Какъ только Судейкинъ узналъ о просьбѣ Сергѣя Петровича, онъ выразилъ желаніе познакомиться съ братомъ своего молодого агента и обѣщался помочь ему въ его нуждѣ. Свиданіе было назначено въ маленькомъ деревянномъ домѣ гдѣ-то на Пескахъ. Домикъ имѣлъ мезонинъ, и въ немъ жила какая-то пожилая женщина. Въ этомъ мезонинѣ Дегаеву пришлось дожидаться появленія Судейкина. Свиданіе было непродолжительно и велось съ обѣихъ сторонъ въ чисто дѣловомъ тонѣ. Работа была тотчасъ прислана Сергѣю Петровичу на домъ. Она состояла въ перечерчиваніи на-бѣло плановъ зданія, которое намѣревался строить департаментъ полиціи. Если не ошибаюсь, рѣчь шла о казармахъ для городовыхъ. Въ планахъ должны были произойти измѣненія, и о нихъ-то Судейкинъ бесѣдовалъ съ Дегаевымъ. Пока тянулась работа, состоялось еще одно или два свиданія [1]). Они не дали никакихъ

---

[1]) Содержаніе своихъ разговоровъ съ Судейкинымъ Дегаевъ каждый разъ передавалъ Грачевскому, и если ему вѣрить на слово, какъ тогда вѣрили Грачевскій и другіе народо-

результатовъ для слѣженія и ни на іоту не подвинули вопроса объ убійствѣ, въ виду чего было рѣшено прекратить ихъ подъ предлогомъ, что Дегаевъ началъ готовиться къ экзаменамъ.

Вскорѣ послѣ того Судейкинъ разстался съ Володей, причемъ произошла выше мною описанная сцена.

Сергѣй Петровичъ предвидѣлъ этотъ разрывъ; онъ также зналъ, что послѣ его знакомства съ Судейкинымъ несомнѣнно за нимъ и за членами его семьи будетъ учрежденъ полицейскій надзоръ. Поэтому онъ рѣшился, не ожидая развязки событій, выпроводить свою семью изъ Петербурга. Самъ онъ также покинулъ Петербургъ еще ранѣе Володи, и такъ какъ это случилось въ маѣ, то я думаю, что онъ не успѣлъ покончить съ экзаменами.

Въ ночь на 3-ье іюня, послѣ неудачнаго или, вѣрнѣе сказать, не состоявшагося покушенія на жизнь Судейкина, были арестованы Грачевскій, множество другихъ лицъ и я.

Отъ старыхъ народовольцевъ оставалась Вѣра Николаевна Фигнеръ, проживавшая въ Харьковѣ. Зная отчаянное положеніе партіи, непоправимость дѣла въ данный моментъ и опасность, которой подвергалась сама Вѣра Николаевна, я изъ тюрьмы умоляла ее уѣхать за границу, и тамъ образовать новый Комитетъ. Она прислала мнѣ отвѣтъ, что не покинетъ Россіи.

Много лѣтъ спустя, я о дальнѣйшей судьбѣ Дегаева узнала слѣдующее:

Осенью 82 г. онъ былъ арестованъ въ Одессѣ по дѣлу народовольческой типографіи. Какъ только Судейкинъ узналъ объ арестѣ Дегаева, онъ выѣхалъ для самоличнаго допроса своего стараго знакомаго. При первомъ же свиданіи Судейкинъ предложилъ Дегаеву стать предателемъ своихъ прежнихъ товарищей и поступить къ нему на службу чистосердечно и искренно, а не такъ, какъ когда-то сдѣлалъ его братъ. Дегаевъ попросилъ свиданія съ женою, чтобы посовѣтоваться съ нею. Оно состоялось при довольно характерной обстановкѣ. Дегаева ввели въ просторную красивую комнату, гдѣ находился обильно накрытый столъ. Вскорѣ появилась жена, которая съ плачемъ бросилась ему на шею. Нѣжныхъ супруговъ оставили наединѣ, чтобы они на досугѣ въ пріятной обстановкѣ рѣшили кровавый вопросъ о предательствѣ.

вольцы, то на этихъ свиданіяхъ шла рѣчь о чертежахъ, по поводу которыхъ Судейкинъ дѣлалъ свои указанія. Но въ виду финальной дѣятельности Дегаева естественно возникаютъ вопросы: говорилъ-ли онъ Судейкину то, что передавалъ потомъ Грачевскому? Не тогда-ли началась его измѣна?

Мнѣ кажется, въ виду полной исповѣди, пренесенной Дегаевымъ парижскимъ народовольцамъ, въ которой онъ не скрылъ даже, что выдалъ членовъ военной организаціи, можно допустить, что, опредѣляя мѣстомъ своего паденія одесскую тюрьму, онъ сказалъ правду, и, сдѣдовательно, свиданія его съ Судейкинымъ весною 82 г. носили именно тотъ характеръ, который имъ придавалъ Грачевскій со словъ Дегаева. Лично я видѣлась съ нимъ въ это время довольно часто, слышала его разсказы о свиданіяхъ съ Судейкинымъ и помню, что видъ у него былъ совершенно спокойный; въ настроеніи его видимыхъ перемѣнъ не произошло, и вообще рѣшительно ничто не указывало на какое-нибудь внутреннее перерожденіе, которое могло бы тогда у него произойти.

Они и рѣшили его. Послѣ этого Дегаеву былъ устроенъ фальшивый побѣгъ. Для прикрытія его понадобилась помощь мѣстныхъ радикаловъ, и Дегаевъ обратился съ просьбой помочь ему къ немолодой уже госпожѣ Х., по добротѣ сердца принимавшей всегда участіе въ революціонерахъ. Она доставила ему въ тюрьму по способу, имъ указанному, все необходимое для побѣга. Мѣстные радикалы были въ восторгѣ отъ энергіи, практичности и предпріимчивости заключеннаго. Тотчасъ же послѣ побѣга, Дегаевъ отправился въ Харьковъ, гдѣ проживала въ то время В. Н. Фигнеръ, явился къ ней, представилъ свой побѣгъ, какъ дѣло собственной ловкости и находчивости и, конечно, выразилъ горячее желаніе стать снова въ ряды революціонеровъ. Основаній не вѣрить въ разсказъ Дегаева объ его побѣгѣ или заподозрить что либо преступное въ его дѣйствіяхъ у В. Н. Фигнеръ не было никакихъ, и вотъ, передъ Дегаевымъ открылись двери квартиръ революціонеровъ, всѣхъ сочувствовавшихъ и помогавшихъ имъ, и, что, для него было всего важнѣе, передъ нимъ открылись всѣ революціонныя тайны. Его завѣтная мечта осуществилась: фактически онъ сталъ въ число лицъ, руководившихъ революціоннымъ движеніемъ.

Когда въ Харьковѣ все было узнано и выдано, и наступило время предать въ руки правительства самое Вѣру Николаевну, Дегаевъ исполнилъ и это дѣло при помощи другого извѣстнаго предателя—Меркулова [1]). «Дѣло» было устроено такъ: Дегаевъ завелъ съ Фигнеръ разговоръ о возможности ея ареста, на что Вѣра Николаевна отвѣтила, что ее не арестуютъ, если только она не встрѣтитъ какъ нибудь Меркулова. Потомъ Дегаевъ освѣдомился у своей собесѣдницы, въ которомъ часу она выходитъ изъ дому и есть ли изъ ея квартиры другой выходъ? Вѣра Николаевна отвѣтила, что ходъ изъ квартиры у нея одинъ, а выходитъ она ежедневно въ 8 ч. утра. 10 февраля 83 года, выходя, по обыкновенію, въ 8 ч. утра изъ дому, Фигнеръ встрѣтилась въ трехъ шагахъ отъ своей квартиры лицомъ къ лицу съ Меркуловымъ. Немедленно послѣ этого Вѣра Николаевна была арестована, будучи въ полномъ убѣжденіи, что это дѣло рукъ Меркулова, и лишь въ мартѣ или апрѣлѣ 84 года, при заключеніи слѣдствія (слѣдовательно, уже послѣ убійства Судейкина, вторичной измѣны Дегаева и тщетныхъ поисковъ его правительствомъ), Вѣрѣ Николаевнѣ была предъявлена, подписанная Дегаевымъ, тетрадь со всѣми его выдачами. Тутъ только *въ первый разъ* узнала Вѣра Николаевна, кто былъ истиннымъ предателемъ ея и множества другихъ лицъ. То былъ Дегаевъ. Меркуловъ же игралъ лишь подсобную роль.

Предавши Вѣру Николаевну, Дегаевъ отправился въ Петербургъ и сталъ тамъ «работать» во всю. Въ дѣлѣ провокаціи онъ сдѣлался правой рукой Судейкина. Они сблизились и по-

---

[1]) См. процессъ 20 народовольцевъ въ янв. кн. „Былого“.

дружились, какъ могутъ дружить лишь два злодѣя. Тогда-то выработали они совмѣстно обширные планы захвата власти, о которыхъ разсказывается подробно въ напечатанной въ «Вѣстникѣ Народной Воли» статьѣ «Въ мірѣ мерзости и запустѣнія» [1]). Дегаевъ жилъ широко на большія средства, отпускавшіяся ему его покровителемъ. При немъ находилась жена его, безъ любви которой онъ не могъ обходиться.

Подозрѣнія въ революціонной средѣ росли, но ни къ какимъ опредѣленнымъ выводамъ придти было нельзя, такъ какъ кругомъ все было уничтожено и провалено. Люди, имѣвшіе непоколебимыя доказательства противъ Дегаева, были заперты въ крѣпости и отрѣзаны отъ всего міра. И онъ «дѣйствовалъ» на просторѣ.

Петербургская революціонная молодежь, наконецъ, рѣшилась отыскать предателя во что бы то ни стало. Нѣкоторыя лица уже указывали на Дегаева. Было назначено собраніе, на которомъ долженъ былъ присутствовать и Дегаевъ. Чувствуя свою жизнь въ опасности, онъ попросилъ тогда у Судейкина командировку заграницу и выѣхалъ съ женою въ Парижъ.

Здѣсь онъ принесъ свое пресловутое покаяніе. Отъ парижскихъ народовольцевъ Дегаевъ не скрылъ ничего, вплоть до честолюбивыхъ замысловъ, которые развивались имъ совмѣстно съ Судейкинымъ. Глава русскихъ шпіоновъ при помощи провокаціи и мнимыхъ террористическихъ актовъ, которые во время открываются и блестящимъ образомъ устраняются, намѣревался стать министромъ внутреннихъ дѣлъ; Дегаеву же обѣщалъ за это мѣсто товарища министра. На этомъ мечтанія сообщниковъ не останавливались. Посредствомъ систематическихъ запугиваній дѣльцы надѣялись фактически устранить отъ власти самого Императора и править Россіей по своему усмотрѣнію.

Немедленно послѣ этихъ признаній собрался совѣтъ нѣсколькихъ народовольцевъ, жившихъ въ то время въ Парижѣ. Было рѣшено даровать Дегаеву жизнь лишь подъ условіемъ, что онъ доставитъ революціонерамъ случай и возможность убить Судейкина. При выполненіи этого условія народовольцы обѣщали вывезти Дегаева цѣлымъ и невредимымъ за границу. Онъ долженъ былъ немедленно возвратиться въ Петербургъ и отнынѣ дѣйствовать по указаніямъ нѣкоторыхъ революціонеровъ, которые съ тѣхъ поръ не упускали его изъ вида.

Жена Дегаева оставалась въ Парижѣ, и по его просьбѣ, въ его отсутствіе, ей помогли перебраться въ Лондонъ, гдѣ она должна была ожидать его пріѣзда. Ея пребываніе за границей служило нѣкоторой гарантіей, что на этотъ разъ ея мужъ не измѣнитъ принятому на себя обязательству.

Онъ очутился въ тискахъ, изъ которыхъ не могъ уже выр-

---

[1]) См. ниже ст. „Дегаевщина“. *Ред.*

ваться. Вскорѣ послѣ его возвращенія въ Петербургъ убійство Судейкина стало совершившимся фактомъ.

Лицо, близко знавшее обстоятельства этого дѣла, утверждаетъ, что во время убійства Дегаевъ выказалъ большую трусость. Драма разыгралась въ квартирѣ самого Дегаева. Въ роковой вечеръ Дегаевъ впустилъ въ нее участниковъ убійства нѣсколько раньше, чѣмъ ожидался приходъ Судейкина. Всѣ они находились въ одной изъ заднихъ комнатъ, вооруженные ломами. Согласно условію Дегаевъ долженъ былъ встрѣтить Судейкина у входныхъ дверей и дать ему пройти въ комнаты. Но онъ поступилъ иначе. Судейкинъ пришелъ въ сопровожденіи своего родственника, служившаго въ охранномъ отдѣленіи. Этотъ родственникъ обладалъ такимъ же, какъ и Судейкинъ, атлетическимъ тѣлосложеніемъ. Дегаевъ встрѣтилъ вошедшихъ у входной двери, но затѣмъ, когда они у стѣны вѣшали свои шинели, онъ выстрѣлилъ Судейкину въ спину, что не входило въ планъ дѣйствія. Испугавшись собственнаго выстрѣла, онъ бросился вонъ черезъ входную дверь, которую оставилъ за собою открытой, сбѣжалъ по лѣстницѣ и вышелъ на улицу. Предпріятіе было спасено только тѣмъ обстоятельствомъ, что выстрѣлъ, раздавшійся за ихъ спинами, вызвалъ въ Судейкинѣ и его родственникѣ паническій ужасъ.

Вмѣсто того, чтобы въ свою очередь выбѣжать въ открытую наружную дверь и такимъ образомъ избѣгнуть опасности, они опрометью бросились во внутреннія комнаты, гдѣ ихъ встрѣтили ударами ломовъ. Одинъ изъ участниковъ убійства поторопился запереть дверь, оставленную Дегаевымъ открытой.

Первымъ свалился родственникъ Судейкина, впослѣдствіи ожившій, такъ такъ онъ былъ только оглушенъ; Судейкинъ былъ убитъ въ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ искалъ убѣжища. Ломы были выбраны орудіемъ убійства въ видахъ того, чтобы выстрѣлами не привлечь швейцара и сосѣднихъ жильцовъ.

Исполнители этого дѣла благополучно выбрались изъ дому. Въ тотъ же вечеръ Дегаевъ былъ отвезенъ на Варшавскій вокзалъ человѣкомъ, поджидавшимъ его на улицѣ, и когда русское правительство узнало о томъ, что убитъ одинъ изъ усерднѣйшихъ его слугъ, Дегаевъ уже подъѣзжалъ къ западной границѣ. Безостановочно онъ проѣхалъ въ Лондонъ, и старанія правительства отыскать этого двойного измѣнника остались тщетными.

Анна Прибылева-Корба.